

К 26 годам Юрий Любимов уже успел послужить в армии и поучаствовать в финской войне. Во время Великой Отечественной войны выпускник Вахтанговского училища (ныне Театральное училище имени Щукина) был участником ансамбля НКВД, где в то время работали такие знаменитости, как режиссер Юткевич, поэт и писатель Симонов, композитор Шостакович, танцор Большого театра Мессерер, драматург Эрдман. Любимов ездил по фронтам в бригаде артистов. Но приходилось и уча-

хидилось их скарб выбрасывать. Но паровоз не мог стронуться с места.

Когда мы погрузили все, город начали бомбить. Отъезд этого состава был трагическим. Паровоз не мог тронуться, буксовал. И тогда пришлось выкидывать мужчин. Оставляли лишь женщин и детей. Кто-то орал на меня: "Застрелю!" Мы бежали за поездом, потому что он еле шел, и люди бежали за поездом, чтобы уцепиться за него.

"Мессершмиты" начали бомбить состав, обстреливать. Люди высыпали

лицо ровно наполовину красное, наполовину белое, потом от всего. У многих начиналась медвежья болезнь. Как и при бомбежках.

Во время той паники очень хорошо помню, как решил забежать домой. Грузовик, в котором мы сидели, ехал мимо улицы Станиславского. А я жил напротив бывшего немецкого посольства, в полуподвале, в маленькой комнатке. И я прыгнул с грузовика и сказал приятелю: "Если что, то ты за мной забеги, в суматохе, в этом разгроме, никто и не

для на них, я тогда испытал ощущение нереальности всего происходящего, как, наверное, и они.

- Как вы оказались в блокадном Ленинграде? Там тоже проводили концерты?

- Пытались и там проводить. В Ленинград нас бросили, когда коридор пробили, а потом коридор снова замкнулся. Выбирались мы через Ладогу, еле-еле, с подорванным здоровьем. Помню торчащие мачты кораблей - много кораблей потопили.

битом Сталинграде. Помню, снималась сцена с пулеметом - из разрушенного здания я стреляю из "максима" холостыми, строчу, а из-за угла идет колонна немцев, там уже работали пленные. И они с перепугу, увидев ствол и стрельбу, все полегли. Они-то ведь не знали, думали, их привели на расстрел. И это все вошло в картину.

- Как вы отметили последний день войны?

- Колдобродили весь день и всю ночь. Носились на "виллисе", который где-то раздобыл мой приятель, по всей Москве, даже на Красную площадь заезжали. Пьяные все были, орали, шумели, лазили на крыши, стреляли из каких-то ракетниц, пускали автоматные очереди в воздух. Что творилось! Все обнимались, целовались, и, думаю, ровно через 9 месяцев в стране был большой прирост населения.

- Сегодня, к сожалению, о Великой Победе вспоминают только 9 мая, в школах на войне внимание тоже не акцентируется, молодежь смотрит фильмы Спилберга и думает, что войну выиграли американцы. Абсурд! Но вы в своих спектаклях всегда отражали военную тему.

- Я первым на сцене зажег вечный огонь в спектакле "Павшие и живые". Когда загорался огонь, зал вставал. Спектакль был вторым на Таганке после "Десяти дней, которые потрясли мир" и шел в театре очень долго, мы сыграли его раз 700. С "Павшими", как и со многими другими моими работами, было много сложностей. Сначала его хотели запретить пожарники. "Как так - огонь на сцене?" - возмущались они. Но потом я пригласил генерала пожарной службы, он посмотрел и проникся. После спектакля говорит: "Коньяк есть?" Мы прошли ко мне в кабинет и выпили коньяку за нашу победу.

"А зори здесь тихие" тоже не хотели пропускать - говорили: "Переделай, старшину можешь убить, а всех девиц убивать нельзя". Полный идиотизм. Васильев тогда не был знаменитым. Но потом ему дали премию, "Зори" ввели в школьную программу, и от меня отстали.

Да, у наших людей, увы, короткая память. Появились молодые фашисты, которые отмечают день рождения Гитлера, коммунисты вновь играют на чувствах неимущих. Кстати, во время войны был настоящий патриотизм. Но коммунисты тут ни при чем, воевали не за коммунистов, а за свою землю. Я не люблю коммунистов, это все знают. Считаю, что они опустошили, извратили, унизили, истребили свой народ. Я бы и близко их не подпускал к управлению страной и запретил бы их бесконечные идиотские митинги. Нельзя обездоленных, несчастных звать разрушить строй. И нельзя внушать, что только диктатура может нам помочь. Это уничтожит Россию. Ну, ладно, скоро праздник, и не будем о грустном.

- Юрий Петрович, кончилась война, и вы вернулись в театр?

- Да, вернулся в Театр Вахтангова и стал репетировать Олега Кошевого в "Молодой гвардии". Перед постановкой в Краснодар снарядили творческую экспедицию. Поехал режиссер Захав, прекрасный артист Астангов и я - исполнитель главной роли. Поездка произвела удручающее впечатление.

Мы вышли из поезда. Ночь, пурга. И вдруг увидели, как солдаты с овражками гнали в лагерь стариков, женщин и детей, которые были у немцев в оккупации. Их высылали на север. Первые после победы зашемило сердце, стало страшно, безнадежно и тоскливо. Но в жизни трагедия всегда рядом с фарсом. Я пошел к отцу Олега Кошевого, а он, оказывается, развелся со своей женой, матерью героя. И когда я постучал в дверь и он меня увидел, он страшно испугался и закричал: "Все же платил, все алименты, все я платил! Ну что же делать, по взаимной договоренности разошлись". И начал мне справку показывать, доказывать, что он хороший отец, что он все платил. А в романе отец вообще не выведен, как будто сын от непорочного зачатия произошел. Эта невеселая командировка заставила меня трезво посмотреть на все происходящее.

- С кем-нибудь из ветеранов Великой Отечественной поддерживаете отношения?

- Они почти все ушли. Последним ушел Булат Окуджава. Слава Богу, жив Солженицын, и у нас в театре идет "Шарашка" по его роману "В круге первом". Люди разных поколений подходят к карте ГУЛАГа и находят места, где сидели их отцы и деды. Свою историю забывать нельзя. Иначе все повторится.

Юрий Луговской

ПО ВСЕЙ МОСКВЕ НОСИЛСЯ ПЕПЕЛ

Ветеранов Великой Отечественной войны с каждым годом становится все меньше. И поэтому особенно радостно накануне годовщины Великой Победы общаться с кавалером ордена Великой Отечественной войны, главным режиссером Театра на Таганке Юрием Петровичем Любимовым, видеть его полным творческих сил.

ствовать в боях и полгода провести в блокадном Ленинграде.

- Юрий Петрович, где вас застала война? Вспомните ее первые дни.

- Войну я встретил на границе. Нас с ансамблем послали выступать перед пограничниками, выступили, а возвращались с последним составом под немецкой бомбежкой.

- Наверняка были поездки с ансамблем, которые особенно врезались в память...

- Поездок было много. Выступали и на Кавказе, и в Киеве, и в блокадном Ленинграде. Очень хорошо помню, как все начиналось. Играли в Таллине. Выступление закончили, нас посадили в грузовики и послали дальше, к границе, и вдруг через час вернули. И сказали, что утром будет спектакль для высшего комсостава. Видим - переулочек, который ближе всего к городскому театру, перекрыт. Целая вереница грузовиков с ранеными солдатами. Я спросил: "Что, ребята, случилось?" - "Бои идут", - ответили мне.

Помню, мы начали играть, стали бомбить, и от страха все разбежались, публика уходила, а мы - солдаты, только по команде можем. И мы начали помогать эвакуации театра. Почему мне это так врезалось в память? Я все бегаю, чего-то выношу, и, пробежав, видел портрет Шалыпина с надписью: "В этом маленьком театре я испытал минуты вдохновения, которые я не забуду". И я все хотел, честно говоря, стащить этот портрет. И жалею, что не сделал этого, все равно он не ушел.

Помню, как мужики ломились в паровоз, а мы оцепили поезд и сажали только женщин и детей. Какой-то коммуныяк размахивал партбилетом и кричал: "Пустите, я нужен нам!" Ну мы взяли его под белы руки и вывели из поезда. Потом выкидывали чемоданы в окно, чтобы посадить детей. Женщины на нас бросались, потому что нам при-

из состава, пытались прятаться во ржи. Когда начался обстрел, на глазах девочки, маленькой совсем, убили мать.

Помню ужасное чувство страха. Ребенок кричит, и я чувствую стыд, как же можно, а ноги не идут. Я пошел за ребенком, но вот это ощущение страшное - не идут ноги, и все. Мне казалось, что я иду час, а, наверное, все продолжалось одну минуту. Я взял ребенка и ушел, пополз в рожь дальше.

Несмотря на всю трагедию, был очень забавный эпизод. Передо мной ползет довольно полная дама, и, когда самолеты пролетают, она от страха подолом закрывает голову, и вот такая задница в голубых трусах до колен. А пожилой человек в панике ее хлопает дрожжащими руками: "Закрой, десант высалит!" - без юмора совершенно. А мне все-таки чувство юмора не изменило: я увидел эту сцену и заржал.

Девочку мы взяли с собой в вагон. А потом в каком-то городе сдали ее в детский дом.

До Москвы добирались несколько дней. Встречали много знакомых. Ешелоны идут с солдатами, мы выбегаем и все рассказываем, потому что мы оттуда. Нас спрашивают: "Ну как, как? Остановили? Наши наступают?" Но мы-то знали, что дело плохо, на себе все испытали. Видели, как отступала наша армия.

В Москве меня записали в ополченцы. И нас поставили в окопы с "коктейлем Молотова". Тогда я узнал, что такое "коктейль Молотова". Командир сказал: "Танк пройдет, в ж...у ему брось, и танк загорится". Я сел в окоп и сидел с бутылкой, ждал танковой атаки. А фашистские танкисты применяли очень простую тактику. Когда на окоп наступал танк, они одну гусеницу выключали и танк начинал крутиться, чтобы сесть в окоп и размотать солдат.

И вот танки пошли. Я помню эти побелевшие лица при виде танков. Кровь отливает сначала от половины лица, и

заметит". Когда ехали мимо консерватории, я прыгнул через борт, прибежал домой, отмылся. А утром рано, часов в пять утра этот парень из нашей бригады, очень хороший танцор, звали мы его Крот, в окно мне стучит: "Хана!" "Что-хана?" "Все накрылось!", - истонно вопит Крот. "Да что накрылось, скажи ты толком", - говорю. - "Все накрылось. Бежим в казармы. Всех вызвали в Клуб".

Я натянул амуницию и через окно, даже не через дверь, а через окно высочил и помчался за ним.

По всей Москве носился пепел. Метро было заминировано. Когда мы бегом по Лубянке к Клубу, открылись двери серого дома и оттуда вышла часть особого назначения. Все ребята отлично экипированы, с автоматами. И вел их мой знакомый парень, лейтенант по фамилии Крылов, который впоследствии стал генералом. Я на бегу его спрашиваю: "Куда ведешь батальон?" А он, весь такой подтянутый, отвечает: "Защищать Театральную площадь! Ать-два!" Крылов стал генералом, бывал у меня в театре, а потом застрелился, когда Чурбанов, зять Брежнева, снял его с должности.

Никакого наказания мне не было, никто моего отсутствия в этой панике не заметил. Нас вызвали в Клуб, чтобы доложить дальнейший план действий. А через несколько дней ночью всех подняли в казарме и зачитали страшный сталинский приказ "Ни шагу назад!" про заградительные отряды. Приказ о том, что самовольно отступающих будут расстреливать.

Мне повезло, во время войны я даже не получил ни одного ранения. Но я ведь и не могу сказать, что провел войну в боях. Приходилось и винтовкою держаться, и "коктейль Молотова", но все же больше времени я ездил с выступлениями. Помню, делал композицию про Суворова и Кутузова, и меня слушали два летчика, только что катапультировавшиеся со сбитого самолета. Гла-

Юрий Любимов

7.5.02